

УДК 811.133.1
DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-2-115-125

Абсолюты в национальных картинах мира: представление французов и русских об истине и лжи

М. К. Голованивская

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Москва, Россия*

Аннотация

Проводится контрастивный анализ категорий истины и лжи во французской и русской языковой картинах мира. Исследование проводилось методом анализа этимологии указанных понятий, их мифологической обработки и репрезентации, проанализирована сочетаемость слов и их синонимов в сопоставительном аспекте, проведена реконструкция и сравнение вещественных коннотаций (по В. А. Успенскому) центральных понятий из синонимических рядов, результаты представлены в стандартизованном виде, дающем возможность сравнивать результаты. Отличительной особенностью французского обыденного сознания является отсутствие понятия *истина* при наличии субъективно интерпретируемого понятия *правда*. При этом другие мыслительные категории во французском языке, такие как *причина*, *следствие* и *цель*, демонстрируют устойчивую двойственность в аспекте объективности / субъективности. Французское понятие лжи (*mensonge* (сущ., ж. р.)) близко к русскому понятию *лжи*, у него имеется аналогичный набор значений. В русской языковой картине в этой области отчетливо демонстрируется разделение понятийного поля на верх и низ, высшее и земное. Представление о небесной жизни, где действуют добро и зло, а не пантеон богов, показывает связанность русского сознания в этой области с христианской, а не языческой трактовкой мира. Для французского менталитета характерно доминирование античного взгляда на жизнь над христианским, выражающегося, например, в смешении понятий обмана и вымысла: первое связано с намерением обмануть, второе – развлечь. Эта корреляция напрямую соотносится с античными истоками представлений в этой сфере и нашло отражение во многих европейских языках.

Ключевые слова

бинарный миф, история языка, мыслительные категории, христианство, античность, менталитет

Для цитирования

Голованивская М. К. Абсолюты в национальных картинах мира: представление французов и русских об истине и лжи // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2019. Т. 18, № 2: Филология. С. 115–125. DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-2-115-125

Absolutes in National View of the World: Russian and French Ideas of Truth and Lie

M. K. Golovanivskaya

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation*

Abstract

The article is devoted to a contrastive analysis of the categories of truth and lie in the French and Russian mentality. The study was carried out by the method of analyzing the etymology of the indicated concepts, their mythological processing and representation, contrastively analyzing the compatibility of words and their synonyms, reconstructing and comparing the real connotations (according to V. A. Uspensky) of central concepts from synonymous series, the results were presented in a standardized form, results. Comparison of these categories showed that the French ordinary consciousness does not disclose the notion of truth, but only the rights, which everyone possesses, and therefore they are subjective and not objective. This is a fact worthy of attention, because other thought categories in the French language, such as reason, consequence and goal, for example, demonstrate a stable duality of objectivity / subjectivity. The French concept of lie (*mensonge* (n.f.)) is close to the Russian notion of lie, it has a similar set of meanings: the Russian language picture in this area clearly demonstrates the division of the conceptual field into top and bottom, higher and a terrestrial. Representation of heaven life where not the pantheon of the gods, but good and evil / right and

wrong operate, shows the connectedness of the Russian consciousness in this area with the Christian, and not the pagan interpretation of the world. The French mentality is characterized by the domination of the ancient view of life over the Christian, expressing, for example, in mixture of concepts of deception and fiction – the first related to the intent to defraud, the second, is not associated with the intent to betray in a selfish way, but to entertain. This correlation is directly linked to the ancient origins of ideas in this area and is reflected in many European languages.

Keywords

binary myth, language history, categories of thought, Christianity, antiquity, mentality

For citation

Golovanivskaya M. K. Absolutes in National View of the World: Russian and French Ideas of Truth and Lie. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*, 2019, vol. 18, no. 2: Philology, p. 115–125. (in Russ.) DOI 10.25205/1818-7919-2019-18-2-115-125

В языковой картине мира русских и французов наблюдаются существенные различия в области понятий *истина, правда / ложь, обман*.

Истина и правда

Истина – достоверное, объективное знание, недоступное человеку, но лишь высшему началу. В старославянском языке слово *истина* имело значение «правда, верность, законность». В «Судебнике» 1497 г. *истина* встречается в значении «основной, без процентов капитал», производно от *истый* – подлинный, действенный, настоящий. Соответственно истина – это то, что есть, что можно предъявить. В. И. Даль комментирует это значение следующим образом: истина – наличные деньги, т. е. не мнимое, оборотное или долговое богатство, а истинное, наличное, это «все, что подлинно, точно справедливо, ныне слову этому отвечает и правда, хотя вернее под словом правда понимать правдивость» (Даль, 1955). Истина, поясняет В. И. Даль, от земли, а правда – с небес.

Реальность, описанная В. И. Далем, принципиально не совпадает с реальностью сегодняшней, ведь сегодня именно *истина* – высшее, небесное знание, а *правда*, как будет показано далее, – это то, что видно и известно смертным людям.

Это утверждение в полной мере разделяет Н. Д. Арутюнова: «Концепт истины противопоставляет идеальный и материальный миры, используя следующие признаки: вечное / временное (пребывающее / преходящее), неизменное / изменчивое (твердь и хлябь), ненаблюдаемое / наблюдаемое (ноумен и феномен), подлинное и мнимое.

Первые – немаркированные члены этой оппозиции – образуют концепт истины... Истина статична. Она существует в вечности. Она отвлечена от осей времени и пространства» [Арутюнова, 1994. С. 305]. По отношению к определению, данному В. И. Далем, верна только последняя оппозиция (подлинное / мнимое), а все остальное вполне можно отнести, если говорить о «его» реальности, к правде, на протяжении столетий считавшейся высшей и небесной сущностью, результатом правильного, праведного Божьего суда.

В «Голубиной книге» (XII–XIII вв.) читаем: «Это не два зверя собиралися, не два лютые собегалися: это Правда с Кривдой соходилися. Промежду собой они бились-дралися. Правда Кривду одолеть хочет. Правда Кривду переспорила. Правда пошла на небеса... А Кривда пошла у нас вся по всей земле» (цит. по: [Голубиная книга... 2008]). Из этого текста мы видим, что на протяжении многих веков именно *правда* была небожительницей, а отнюдь не *истина*.

Такая перемена в распределении коннотации «высшее / не высшее» кажется нам вполне понятной и связанной с представлением о высшем в предыдущие эпохи и в настоящее время. В дорационалистическую эпоху высшее ассоциировалось с сильным государством во главе с Государем-Богом [Одесский, 2000], одна из основных функций которого – судить и карать (творить высший суд). В современную эпоху эклектического смешения мистического и рационального высшее представляется как инвентарь абсолютов, статичных и неизменных,

список непостижимых аксиом и законов, а не как государство, возглавляемое царем-монархом-императором-Богом.

Но определение *правды* осталось прерогативой суда (свидетель, как и подсудимый, клянется «говорить правду и только правду»), высшая цель которого состоит все-таки в определении *истины*. Этот последний контекст подводит к описанию различий между понятиями *правды* и *истины* в современной русской ментальности, которые убедительно описаны также в одной из замечательных статей Н. Д. Арутюновой «Истина: фон и коннотации» [1991]. Мы присоединяемся к изложенному в работе анализу.

В русском языке слово *истина* имеет следующую сочетаемость:

найти, открыть, достичь, постичь, познать, знать, подтвердить, понимать истину;
свет истины, истина озаряет;
истина рождается в споре;
докопаться до истины, проникнуться истиной;
искания, поиски истины;
истина скрыта, находится где-либо, открывается кому-либо;
старая, прописная, избитая, азбучная, банальная, пошлая, надоедливая, навязшая в зубах, плоская, бездарная и пр. *истина*.

Из приведенной сочетаемости отчетливо видны две вещественные коннотации понятия *истина*.

1. Клад (*искать, откопать, найти, открыть* и т. д.) – отсюда образ открытия.
2. Книга, учебник, священное писание, учитель (*старая, прописная, плоская*) и пр.

Первая коннотация «клад» имеет богатый источник в индоевропейских мифологиях, связанный с мотивом сокрытости познания (Адам и Ева, царь Эдип и др. узнавали то, что не должны были узнать, за что были наказаны). Мотив преследования человека за своевольное постижение истины связывается некоторыми исследователями с мотивом узурпации человеком непопозволенного ему в более широком контексте. Так, в «Сравнительном словаре мифологической символики в индоевропейских языках» М. М. Маковский отмечает связь слов со значением «истина» со словами, имеющими фаллическое значение, т. е. с древнейшим пластом верований, уравнивающих сексуальное и сакральное [Маковский, 1996].

Вторая коннотация – книга, учебник – привязана к системе образования, тиражирования принятого набора установлений. Неизменность «практических истин» часто вызывает негативную оценку человека, повторение одного и того же связывается с образом пережевывания – действие монотонное и при чрезмерности неприятное: всё навязшее в зубах – лишнее и надоевшее. «Избитая» в значении «изношенная» (ср. избитые каблуки), «плоская» истина подчеркивают присутствующую в языковом сознании идею старения, изнашиваемости истины со временем, что противоречит ее философской интерпретации. Негативно-оценочные прилагательные, сочетающиеся со словом *истина*, открывают двойственное отношение человека к неизменяемому – привыкание, пресыщение, отвращение, но также и спокойствие, уверенность. Некоторые признаки истины (*надоедливая, бездарная*) явно перенесены на нее из образа учителя – это он бездарен, надоедлив, назойлив, плосок и т. д.

«Свет истины» означает расположение ее над, на небе, приписывание ей божественной сущности.

Слово *правда* этимологически связано со словом *право* (М. Фасмер, В. И. Даль), с отправлением суда, с честностью и справедливостью. В. И. Даль указывал на специальное значение слова *правда*, обозначающего «пошлину за призыв свидетеля к допросу», а также определял его как «истину на деле, в правосудии, в справедливости». Для нас важна близость слова *правда* со словом *правый*, исконно, в противоположность понятию *левый*, обозначающим «сильный (ср., например, *правая рука*), правильный, прямой». Такие ассоциации находят отклики в Ригведе, в древнегреческом предпрямом в виде противопоставления двух правд – двух Дике, отразившихся в древнегреческой трагедии.

Слово *правда* в русском языке имеет следующую сочетаемость:

правда жизни, жизненная правда; у каждого своя правда; сермяжная, солдатская, крестьянская, рабочая и пр. правда; высшая, истинная правда; правда пахнет потом, водкой, раскаяньем и пр.; голос правды, слышать голос правды; сказать, открыть правду; чинить суд, издеваться над правдой, втоптывать правду в грязь, удушать правду и пр.; искать правду, жить со своей правдой; смотреть правде в глаза, правда глаза колет; бороться за правду, отстаивать, защищать правду, жертвовать собой или чем-либо во имя правды; правда торжествует, побеждает; горькая, тягостная, жестокая, трагическая, унылая, неутешительная и пр.; свет правды, солнце правды, луч правды, сияние правды; приукрашивать правду, рядить правду в какие-либо одежды; чистая, истинная правда.

Из приведенной сочетаемости мы видим, что *правда* в русском языке мыслится как:

- 1) девушка из низших слоев общества. Это понятие персонифицируется в женском образе, она у каждого (не у каждой) – своя, каждый живет со своей правдой, она наделена голосом, слаба, может приукрашиваться и рядиться, нуждается в защите, за нее приходится бороться. В сочетаемости этого слова есть множество контекстов, развивающих образ несправедливо угнетаемой девушки из народа, за которую борются или заступаются;
- 2) жидкость, имеющая горький вкус. В этом смысле *горькая правда* часто описывается как лекарство, которое надо принять с благой целью. В этот же стереотип укладывается формулировка «откушать правды, откушать фундаментальных истин». Прилагательное *чистая* ассоциирует *правду* с веществами, в которых обычно присутствуют примеси;
- 3) светило, которое, как правило, светит угнетенным; этим понятие *правда* отличается от понятия *истина*, которая сияет вечным божественным светом.

Ложь и обман

В русской лексикографии *ложь* понимается как намеренное искажение действительности, как сказанная или написанная неправда, как реализация намерения ввести в заблуждение (СРЛЯ, 1981–1984). Ложь мыслится синонимично обману, высказанной неправде. Однако из описания значений слов *истина* и *правда* явственно вытекает различие их значений, и было бы логично предположить, что не только у слова *правда* есть антоним (*обман*, *ложь*), но и у *истины* есть антоним (*ложь*). Описываемые антонимические пары восходят к древнейшим близнецовым мифам и в полной мере отражают особенности человеческого мышления – познать мир через противопоставление.

Истина в современной трактовке – божественный атрибут, судебный вердикт, а *ложь* как намеренное введение в заблуждение всего рода человеческого – атрибут дьявола. Мы часто говорим о ложной видимости вещей, заставляющей людей вести себя неправильно. Таким образом, лгать может не только человек, но и весь бранный мир, о чем говорит в своем знаменитом высказывании Ф. И. Тютчев: «Мысль изреченная есть ложь». Из этого и других контекстов становится очевидно, что ложь не обязательно связана с намерением обмануть, но может характеризовать любое, даже произвольное проявление мира и человека. Отпавшие от Бога, в соответствии с евангельскими текстами, живут во лжи словесной и вселенской (Быт. 26).

В эпистемическом плане *ложное* связано с заблуждением, которое, возвращаясь к религиозной точке зрения, – от дьявола, от извечной несовершенности человека, коренящейся в его природе, а не только в намерениях.

Слово *истина* не связано этимологически ни с каким глаголом, как и слово *правда* (*оправдывать* означает не «говорить правду», а «снимать с кого-либо обвинение»). *Правду* можно *говорить*, однако глагол *говорить* не приоткрывает нам особенностей этого понятия: говорить можно многое. У существительного *ложь* есть глагольный коррелят – *лгать*. В со-

временных источниках приводятся разные этимологии существительного *ложь*, в том числе связывающие его с глаголом *лежать*. Так, например, И. М. Степанова в докладе «Коли не ложь – так правда» [2004] утверждала, что *ложь*, будучи именным образованием от глагола *лежать*, этимологически связана с идеей «лежать на поверхности», «скрывать под собой правду». Более традиционный взгляд на материнскую идею, связанную с понятием *лжи*, идет от значения этимона «лежать, быть больным, слабым». С нашей точки зрения, болезнь, слабость, поверженность, положение лежа фиксирует победу низшего над высшим, показывает присутствие во лжи компонента «дьявол», делая ее синонимом зла.

В русском языке слово *ложь* имеет следующую сочетаемость:

погрязнуть во лжи, утонуть во лжи, захлебнуться во лжи, стихия лжи, море лжи;
уличить во лжи, изблечить во лжи, поймать кого-то на лжи, наказать кого-то за ложь;

что-то может содержать в себе элемент лжи; что-либо может быть замешано на лжи;

ложь может быть постыдной, возмутительной, бесовской, наглой, гнусной, невинной, во спасение и пр.

Сочетаемость слова *ложь* с некоторыми прилагательными указывает на этический аспект лжи, ее предосудительный, негативный, наказуемый характер. При этом существует представление о лжи во благо, оправдываемой и спасительной.

Неизбежное уличение во лжи отражается и в поговорке *Все тайное станет явным*, и в многовековой традиции наказывать ребенка за ложь. Это же подтверждается и соответствующей глагольной сочетаемостью: *уличить во лжи, поймать на лжи* и пр. Дифференциация лжи на спасительную и преступную связана, очевидно, с природой мотива, которым руководствуется лгущий: если он лжет во благо себе, это дурно, если во благо другому, то его ложь может быть и оправдана.

На образном уровне ложь овеществляется как вода, причем как вода плохая, опасная. В славянской и многих других культурах и мифологиях содержится представление о живой и мертвой воде (Брокгауз и Эфрон, 1892. С. 749). Живая вода движется, она животворит; мертвая вода статична, она губит. Ассоциация лжи с болотом, затягивающим, засасывающим, в котором можно *погрязнуть*, на мутной водичке которого можно нечто *замешать*, – богатый образ, резюмирующий многие другие представления не только русского, но и шире – индоевропейских этносов. Так, понятия правды, честности во многих культурах и языках связаны с идеей ясности. Когда объяснение, рассказ, речь понятны, и русские, и французы, и немцы, и итальянцы, и англичане говорят: *ясно* (*claire, clear, chiaro* и т. д.). Туманность, мутность, непрозрачность как в воздухе (*напустит тумана, смутно понимаю*), так и в воде символизируют нечистоту повествования, присутствие в нем нечистого намерения, за которым стоит искушение или иное зло.

Активность болота-лжи лишний раз подчеркивает ту мысль, что ложь – не просто стоячая, зловонная, опасная вода, но затягивающая сила, недаром на болотах, согласно русской мифологии, водятся и черти, и леший, и кикимора. По развитию образа *ложь* – это также грязь, в ней можно *испачкаться*, ею можно *запятнать себя*. Грязь – это универсальный образ, связанный с черным, чернотой, мраком, злом.

Отсюда и различие между неправдой и ложью. Нельзя сказать *гнусная, подлая, бесовская неправда, погрязнуть в неправде, наказать за неправду*. Но все эти понятия прекрасно сочетаются со словом *ложь*.

Русское слово *обман*, трактуемое в современном языке как сознательное введение кого-либо в заблуждение, высказанная неправда, связывается со злым умыслом и злой волей человека. Подобная трактовка не вызывает у нас возражений с двумя уточнениями: обманывать может также и все персонифицируемое, например погода, примета, поскольку обман может быть произвольным, незлонамеренным. Поэтому обманывать можно и себя самого. Самообман связан с иллюзией – словом, не имеющим отрицательной коннотации и скорее трактуемым в русском сознании как проявление мечтательности и слабости.

В словаре В. И. Даля предлагаются такие синонимы для слова *обман* (Даль, 1955): *хитрость, лукавство, двуличность*. Тем самым *обман* трактуется как негативно оцениваемая поведенческая тактика. Из контекстов выявляется инструментальность *обмана*: *ловец обманом берет, обманом города берут*.

В современном языке инструментальность обмана видна из его сочетаемости:

добиться чего-либо обманом;

совершить, обнаружить, раскрыть, разоблачить обман; пойти на обман; решиться на обман; наказать за обман;

обман явный, бессовестный, наглый, подлый, коварный, сознательный, невольный и пр.

Прилагательные, сочетающиеся с этим словом, показывают как негативную оценку обмана с точки зрения существующей морали, так и явный перенос этой оценки с человека на совершаемое им действие. *Обман* – это действие, причем не словесное, что подтверждается невозможностью сочетания слова *обман* с глаголами речи. *Обман*, порожденный словами или поступками, – содеянное, противопоставляемое словесному как легкому, неуловимому, несерьезному (именно так трактуют слова в бытовом сознании, в отличие от ученых-лингвистов, разрабатывающих теорию речевых актов [Демьянков, 1986]). *Обман* нельзя *сделать*, его можно только *совершить*, на него можно *пойти* – и тот, и другой глагол подчеркивают важность предпринимаемого действия с точки зрения внутреннего арбитра человеческой совести. *Обман*, связанный с манипуляцией материальными ценностями, уголовно наказуем.

Ложь же в своем максимально широком значении – свойство брэнного мира, выражается в видимости или в словах и не преследуется по государственным законам, а только по человеческим.

Представления о лжи в русской и французской языковых картинах мира

Сравним полученные нами представления о лжи в русском менталитете с французскими представлениями, выраженными в антонимических парах *bien – mal, vérité – mensonge*.

Переводческая практика свидетельствует о том, что французское *vérité* (сущ., ж. р.) очевидно соотносится с русской *правдой*, поскольку сочетается, как и русское слово *правда*, с глаголами речи, а в выражении *c'est vrais* 'это правда' используется однокоренное прилагательное. По всей видимости, целостного понятия *истины*, как и всего сопровождающего ее комплекса идей, описанных нами ранее, во французском языке нет. Для выражения библейского смысла французы используют словосочетание *Vérité absolue*, пишут его с прописной буквы, сохраняя при этом существенные компоненты значения слова *vérité*.

У французского слова *vérité* существует такой аллегорический коррелят, описанный Чезаре Рипа: «Правда – это очень красивая обнаженная женщина. В правой поднятой руке она держит сияющее солнце, в другой – книгу и пальмовую ветвь. Под правой ногой у нее земной шар. Правда – обиталище духа, не расположенного исказить язык права, а расположенного соответствовать вещам, о которых она говорит и пишет. Она утверждает только то, что есть, и отрицает то, чего нет, не замутняя мысли. Нагота ее показывает присущую ей естественность. Солнце указывает на то, что правда – подруга света. В открытой книге зафиксирована правда о вещах. Пальмовая ветвь символизирует силу, пальма не сгибается от ветра и веса, так и правду нельзя согнуть, хотя многие стараются это сделать. Также правда символизирует и ее победу. У правды столько сил, что она побеждает все людские мысли. Земной шар под ногами ее означает, что она выше мира. Правда живет на небе среди богов» [Рипа, 2014. С. 223]

Из приведенного описания мы видим, что *vérité* связана с речью и письмом, она естественна и открыта, она борется с людскими намерениями исказить ее, она выше мирских помыслов, стремящихся исказить ее, и сильнее их. Она живет на небе, среди богов, однако не является прерогативой одного единственного бога, это высшее, но не абсолютно высшее на-

чало. Это описание показывает нам, что французская *vérité*, как и русская *правда*, была некогда небожительницей, а также что ее «первоначальная» нагота оставила след во многих языках и культурах.

Французское слово *la vérité* произошло от латинского *verita, veritatis*, означавшего «правда, реальность, законы права». Это старое заимствование, однако современная форма этого слова установилась лишь в эпоху Возрождения. С конца X в. этим словом обозначали мнение, соответствующее реальному положению вещей, и противопоставляли *erreur*. Затем у слова развился более общий смысл: соответствие идеи объекту, рассказа – факту, слова – мысли. С конца XV в. *vérité* употребляется с общим смыслом «реальность». С XVIII в. к описанному смыслу добавляется еще один – искренний пересказ того, что человек видел, знает.

Слово *vérité* в современном языке означает правдивый пересказ реальности или же мысль, соответствующую реальности. Таким образом, *vérité* – не сама реальность, пусть даже высшая, как в русском языке, а человеческая функция, эквивалент правды. Слово *vérité* употребляется в современном французском языке в составе следующих словосочетаний и выражений:

Chercher (искать), *prétendre à* (стремиться), *posséder* (обладать), *révéler* (обнаруживать), *découvrir* (обнаруживать), *démêler* (распутывать), *engager* (вовлекать), *discerner* (распознавать), *rétablir* (восстанавливать), *confesser* (признаваться), *avouer* (признаваться), *reconnaître* (признавать), *traduire* (переводить), *défendre* (защищать), *illustrer* (иллюстрировать), *propager la vérité* (распространять правду);

Voiler (прятать), *farder* (маскировать), *déguiser* (переодевать), *cache* (прятать), *saisir* (хватать), *aimer* (любить), *craindre* (бояться), *avoir peur de* (бояться), *écouter* (слушать), *oublier la vérité* (забывать правду);

donner une contorsion à la vérité (искажать правду), *écorcher la vérité* (лишать правды); *du choc des idées jaillit la vérité* (из столкновения идей рождается истина); *être épris* (быть влюбленным), *pénétré de vérité* (пронизанный истиной);

la vérité apparaît (правда появляется), *éclate* (взрывается / разрывает), *offense* (оскорбляет), *blesse* (ранит), *se trouve* (находится); *dire ses quatre vérités* (сказать всю правду в глаза);

les vérités absolus supposent un (абсолютные истины предполагают одно); *être absolu comme elles* (быть абсолютными, как они); *amour* (любовь), *besoin* (потребность), *souci de vérité* (забота об истине); *parcelle de vérité* (частичка правды); *une vérité imparfaite et provisoire* (несовершенная и временная правда);

une vérité grosse (очевидная истина), *utile* (полезная), *profonde* (глубокая), *incontestable* (неоспоримая), *flagrante* (вопиющая), *patente* (открытая), *sencible* (ощутимая), *palpable* (ощутимая), *nue* (голая), *vieille* (старая), *connue* (известная).

Слово *la vérité* входит в синонимический ряд: *lumière* (свет), *verbe* (глагол), *lucidité* (ясность), *sincérité* (искренность), *exactitude* (точность), *justesse* (справедливость), *valeur* (ценность), *vraisemblance* (правдоподобие), *certitude* (уверенность), *conviction* (убежденность).

Сочетаемость показывает, что *vérité* во французском языке имеет множество коннотаций, назовем основные:

- 1) *vérité* как текст: ее можно переводить, иллюстрировать, слушать, говорить;
- 2) *vérité* как женщина или одушевленное существо: ее можно приукрашивать (накладывать макияж), рядить, любить, заботиться о ней, оскорблять, бояться, прятать, она может быть толстой и полезной, разумной, осязаемой и пр.;
- 3) *vérité* как спрятанная или смешанная с инородным веществом субстанция: ее можно отделять, обнаруживать, у нее может быть частичка и пр.;
- 4) *vérité* как дерево: с нее можно сдирать кожу и скручивать;
- 5) *vérité* как жидкость: она может брызгать, как струя воды, из столкновения идей, ею можно пропитаться.

Синонимический ряд, в который входит *vérité*, показывает, что она мыслится через субъективные ментальные характеристики человека и связана, прежде всего, с его разумом и желанием говорить искренне.

Сочетаемость слова *vérité* демонстрирует нам, что это понятие имеет положительную коннотацию, часто встречается со сниженными глаголами и прилагательными (*grosse* (толстый), *farder* (красить)), характеризует мирскую человеческую ипостась (*vérité imparfaite et provisoire* (неидеальная и временная правда), связана с общением, социальной жизнью, но не борьбой, воспринимается человеком как внешний предмет или персонаж, с которым, впрочем, никак не идентифицируется. Отметим также, что описанный у Чезаре Рипа образ, по всей видимости, характеризует высший философско-теологический взгляд на *vérité*, отражающий лишь фрагменты бытовой образной конкретизации. Контексты, персонифицирующие *vérité* в качестве агрессивной силы, немногочисленны: французская *правда* может ранить и оскорблять, но дальнейшего развития «воинствующего» образа *vérité* не произошло. Осталась также сочетаемость этого слова с глаголами, идентифицирующими его со светилом (*появляется, озаряет*), но это также скорее рудименты некогда существовавшего образа, нежели целостный, осмысливаемый как живой образ в рамках современного языкового сознания носителей французского языка.

Представление понятия *правды* через субъективное отражение реальности в противовес объективному во французском языке смазано. Русское выражение *У каждого своя правда* предпочтительно перевести как *Chacun a ses raisons* ‘У каждого свои причины’. Возможен перевод *A chacun sa vérité*, однако первый вариант значительно частотнее и предпочтительнее.

Антонимом *vérité* выступает слово *mensonge* (ложь). У Чезаре Рипа находим следующий аллегорический образ этого понятия: «Молодая уродливая женщина, искусно разодетая, одежды на ней переливчатого цвета, она вся размалевана, так как стремится скрыть себя за ложной видимостью. Она хромонога, так как одна из ее ног – деревянная. В левой руке она несет вязанку горящего хвороста. Она так разодета, потому что утверждает то, чего нет, создает пустую видимостью. Переливчатость символизирует непостоянство лжи. Горящий хворост – быстрота ее жизни: быстро зажигается и быстро гаснет. У нее короткие обе ноги» [Рипа, 2014. С. 225]

Хромота – признак, характеризующий несовершенство рассуждения или знания как во французском, так и в русском языке. Хромота сразу видна, она свидетельствует о ненадежности опоры, сопряжена с уродством, отсутствием целостности и является одной из портретных характеристик дьявола и другой нечисти. Ср. выражения, в которых устанавливается ассоциативная связь между хромотой и проявлениями разного рода несовершенства, дефектности: *Твои знания хромают; Он хромает по математике*. Мотив хромоты в мифологии связан с образом кузнеца Гефеста, а также с сатаной, которого часто воображали гостящим у живущих на отшибе кузнецов (МС, 1991). Этот перенос сдержит в себе, возможно, каузальный намек: ложь от дьявола и плохое знание – недостатки.

Слово *mensonge*, вероятно, было заимствовано из народной латыни (*mentionica*), в которую, в свою очередь, пришло из поздней латыни (*mentio* ‘обман’). Это слово, зафиксированное в VI в., кажется продолжением классического латинского *mentio* – *mention*, развившегося через смысл «лживое упоминание» – *mention mensongere*.

До XVII в. это слово было женского рода, что объясняет тот факт, что у Чезаре Рипа *mensonge* – женщина. С XIII в. оно обозначает утверждение, противное правде, произведенное с целью обмана, чуть позже у него появляется и более общий смысл – акт лжи. В современном языке остались еще следы средневековой классификации лжи, в которой выделялись *mensonge par omission* (замалчивание), *mensonge effectif* (фактическая ложь), делающаяся при помощи утверждения, *temonge joyeux* («ложь в шутку», теологический смысл), *mensonge officieux* («неофициальная ложь») и *le pieux mensonge* («ложь во спасение»), *mensonges pernicious* («вредоносная ложь»). Эти выражения продолжают активно существовать в языке и поныне. По расширению значения слово это обозначало все иллюзорное, об-

манчивое (с XII в.), продолжая принятое в античности смешение между ложью и воображением [Гуревич, 1972. С. 100]. Именно поэтому *mensonge* употреблялось для обозначения фикции в искусстве.

Смещение обмана и вымысла – первого, связанного с намерением обмануть, второго, не связанного с намерением корыстно обмануть, а, возможно, просто развлечь, – в силу своих античных истоков нашло отражение во многих европейских языках.

В современном французском языке у слова *mensonge* выделяются четыре значения: 1) утверждение, по воле его автора противоречащее правде, произнесенное с целью обмана; 2) акт лжи, совершение подделки, подлога, обмана; 3) иллюзорность искусства; 4) то, что обманчиво, иллюзия.

Слово *mensonge* не богато сочетаемостью:

tissu de mensonge (сплошное вранье);

bourrer le cerveau de qn de mensonges (напичкать чьи-то мозги враньем);

prendre qn en mensonges (уличить кого-либо во лжи);

vivre dans le mensonge (жить во вранье);

esprit de mensonge (лживый характер);

père du mensonge (самая большая ложь);

mensonge gros, grossier (чрезмерное вранье);

mensonge naît, grandit, grossit (ложь рождается, растет и разрастается).

Понятие, обозначаемое словом *mensonge*, имеет во французском языке ряд ассоциаций, которые не слишком разработаны и укреплены количественно, однако в том виде, в котором они существуют, они закреплены достаточно надежно. Ассоциирование лжи с тканью есть и в русском языке, а если учесть, что образ ткани – один из древнейших, то, очевидно, имеются аналогии и в других языках (Мифы народов мира, 1991–1992. С. 98; Любкер, 2001. С. 143–144). Мы говорим: «Это шито белыми нитками», подразумевая, что обман очевиден.

Ассоциация обмана, как и всего понятийного гнезда (вымысел, иллюзии), с пищей также представляется более или менее универсальной, ср.: *Соловья баснями не кормят; Он меня кормит завтраками; У меня твоя ложь вот где* (жест, обозначающий сыт по горло) и т. д.

Сочетаемость французского слова позволяет увидеть в нем и антоним русской *истины*, т. е. высшего когнитивного начала. На него указывают словосочетания *жить во лжи, дух лжи, отец лжи* – такие контексты представляют ложь не в качестве человеческого речевого акта, а в качестве проявления высшего зла. В этой логике понятно одушевление *mensonge*: у нее есть отец – дьявол, она может рождаться, расти, толстеть и даже прихрамывать.

Отметим, что в данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, в которой данные словарей и сочетаемости противоречат друг другу: сочетаемость дает возможность увидеть высшую и абстрактную *mensonge*, аналогичную русской *лжи* – абсолюту. Мы считаем, что во французском языке эта двойственность является результатом сосуществования христианского мифологического и рационалистического мировоззрений: первое продолжает жить в образной системе, второе – в словарных дефинициях.

Покажем в обобщенном виде сопоставление представлений французов и русских об истине и лжи:

Базовый признак	Истина, правда		Ложь	
	русский менталитет	французский менталитет	русский менталитет	французский менталитет
Источник	1. Правый, право 2. Наличные деньги	1. Реальность 2. Закон	Лежать	Лгать
Актуальные взаимосвязи	1. Недоступность 2. Борьба	Ответственность	Клеветать	Фантазировать, спать
Образ	Девушка из низов	Воинствующая красавица	Болото	Ткань

Окончание таблицы

Базовый признак	Истина, правда		Ложь	
	русский менталитет	французский менталитет	русский менталитет	французский менталитет
Членение ситуации	Два понятия: правда высшая и человеческая, разделение на верх и низ	Одно понятие	1. Ложь 2. Обман	1. Mensonge 2. Songe
Человек	Активен: истину ищет, за правду борется	Активен: совершает действия с самой правдой (искажает, приукрашивает)	Жертва (и если лжет, и если является объектом лжи)	Пассивен
Влияние	Коммунизм, христианство	Античность	Индоевропейская мифологическая система	Античность (историческое разделение типов лжи в зависимости от целей)

Список литературы / References

- Арутюнова Н. Д.** Истина и судьба // Понятие судьбы в контексте разных культур. М., 1994. С. 302–316.
Arutyunova N. D. Istina i sud'ba [Truth and Fate]. In: Ponyatie sud'by v kontekste raznykh kul'tur [Concept of Fate in Different Cultural Contexts]. Moscow, 1994, p. 302–316. (in Russ.)
- Арутюнова Н. Д.** Истина: фон и коннотации // Логический анализ естественного языка: культурные концепты. М., 1991. С. 21–31.
Arutyunova N. D. Istina: fon i konnotatsii [Truth: Context and Connotations]. In: Logicheskii analiz estestvennogo yazyka: kul'turnye kontsepty [Logical Analysis of Natural language: Cultural Concepts]. Moscow, 1991, p. 21–31. (in Russ.)
- Гуревич А. Я.** Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1972. 318 с.
Gurevich A. Ya. Kategorii srednevekovoi kul'tury [Categories of Medieval Culture]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1972, 318 p. (in Russ.)
- Демьянков В. З.** Теория речевых актов в контексте современной лингвистической литературы (обзор направлений) // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М., 1986. С. 223–235.
Demiankov V. Z. Teoriya rechevykh aktov v kontekste sovremennoi lingvisticheskoi literatury (obzor napravlenii) [Speech Act Theory in Context of Contemporary Linguistic Literature (Synopsis of Genres)]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Moscow, 1986, no. 17: Teoriya rechevykh aktov [Speech Act Theory], p. 223–235. (in Russ.)
- Одесский М. П.** Поэтика власти на Древней Руси // Древняя Русь. 2000. № 1. С. 4–10.
Odesskii M. P. Poetika vlasti na Drevnei Rusi [Poetics of governance of Ancient Rus]. *Drevnyaya Rus'* [Ancient Rus], 2000, № 1, p. 4–10. (in Russ.)
- Поппер К.** Объективное знание. Эволюционный подход. М., 2002. 384 с.
Popper K. Ob'ektivnoe znanie. Evolyutsionnyi podhod [Objective Knowledge. Evolutionary Approach]. Moscow, 2002, 384 p. (in Russ.)
- Рипа Ч.** Иконология. М.: Изд-во В. Секачев, 2014. 556 с.
Ripa Ch. Ikonologiya [Iconology]. Moscow, Izd-vo V. Sekachev, 2014. 556 p. (in Russ.)

Степанова И. М. Доклад «Коли не ложь – так правда» // Филология в системе современного образования: Материалы науч. конф. М.: УРАО, 2004. Вып. 7. С. 275–282.

Stepanova I. M. Doklad «Koli ne lozh' – tak pravda» [“If It’s Not a Lie, It’s a Truth”: A Report]. In: Filologija v sisteme sovremennogo obrazovaniya [Philology in Contemporary System of Education]. Proc. of Scientific Conference. Moscow, URAO Publ., 2004, no. 7, p. 275–282. (in Russ.)

Список источников и словарей / List of Sources and Dictionaries

Брокгауз и Эфрон. Энциклопедический словарь. СПб., 1892. Т. 12. 950 с.

Brokgaуз and Eфрон. Entsiklopedicheski slovar' [Encyclopedic Dictionary]. St. Petersburg, 1892, vol. 12, 950 p. (in Russ.)

Голубиная книга. Славянская космогония / Сост. Д. Дудко. М.: ЭКСМО, 2008. 288 с.

Golubinaya kniga. Slavyanskaya kosmogoniya [Columbine Book. Slavic cosmogony]. Comp. by D. Dudko. Moscow, EKSMO Publ., 2008, 288 p. (in Russ.)

Даль В. Толковый словарь: В 4 т. М., 1955.

Dal V. Tolkovyi slovar' [Thesaurus]. In 4 vols. Moscow, 1955. (in Russ.)

Любкер Ф. Реальный словарь классических древностей. М., 2001. Т. 1. 576 с.

Lyubker F. Real'nyi slovar' klassicheskikh drevnostei [Relevant Dictionary of Classical Antiquities]. Moscow, 2001, vol. 1, 576 p. (in Russ.)

Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М., 1996. 416 с.

Makovskii M. M. Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoi simboliki v indoevropskikh yazykakh [Comparative Dictionary of Mythological Symbolism in Indo-European Languages]. Moscow, 1996, 416 p. (in Russ.)

МС – Мифологический словарь / Сост. Е. М. Мелетинский. М.: Сов. энциклопедия, 1991. 672 с.

Mifologicheskii slovar' [Mythological Dictionary]. Comp. by E. M. Meletinskii. Moscow, Sovetskaya enksiklopediya Publ., 1991, 672 p. (in Russ.)

Мифы народов мира / Сост. С. А. Токарев. М.: Сов. энциклопедия, 1991–1992. Т. 1. 673 с.

Mify narodov mira [Myths of Nations]. Comp. by S. A. Tokarev. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ., 1991–1992, vol. 1, 673 p. (in Russ.)

СРЛЯ – Словарь русского литературного языка: В 4 т. М., 1981–1984.

Slovar' russkogo literaturnogo yazyka [Dictionary of Literary Russian Language]. In 4 vols. Moscow, 1981–1984. (in Russ.)

Материал поступил в редколлегию

Received

03.12.2018

Сведения об авторе / Information about the Author

Голованивская Мария Константиновна, доктор филологических наук, профессор кафедры региональных исследований факультета иностранных языков и регионоведения МГУ им. М. В. Ломоносова (Ленинские горы, 1, Москва, 119991, Россия)

Maria K. Golovanivskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor of Department of Area Studies, Faculty of Foreign Languages and Area Studies, Lomonosov Moscow State University (1 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russian Federation)

golovanivskaya@gmail.com